

УДК 81'42
ББК 81.2-5

Г.О. Мкртычова

ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Анализируются дискурсивные возможности слов категории состояния. На убедительном языковом материале показано, что аналитические формы слов категории состояния служат цели усиления изобразительности и выразительности высказывания (эти возможности данной грамматической категории, как правило, остаются за пределами исследовательского внимания).

Ключевые слова: *слова категории состояния, дискурс, коммуникация, изобразительно-выразительные средства, интенциональность.*

Мкртычова Галина Ованесовна – соискатель, преподаватель иностранных языков ГОУ СПО «Донской педагогический колледж»
Тел.: 8(863)293-86-96
E-mail: donpedcollege@donpac.ru

Одной из центральных дихотомий языка является соотношение между языковой структурой и коммуникативным процессом. Это соотношение принимает форму различных противопоставлений: стабильных значений, зафиксированных в лексике или грамматике, и текущих значений, приписываемых в конкретном акте коммуникации; хранимых (производных) или конструируемых (производимых) значений; представления и процесса; языка и коммуникации; языковой структуры и дискурса.

«Дискурс» – один из самых многозначных терминов современной науки, который по-разному толкуется в лингвистике и семиотике, социологии и социальной психологии, в межкультурной коммуникации и культурологии, в философии, журналистике, литературоведении и других сферах гуманитарного знания. Этот термин часто используют вместо вполне уместного и ожидаемого «стиль» или «текст». Т. ван Дейк [Дейк, с. 122] впервые предложил рассматривать проблему дискурса в рамках коммуникации, что позволило учитывать не только структурный, но также когнитивный и социально-психологический параметры.

Вслед за В. Дейком термин стал последовательно использоваться для обозначения разных видов речи и речевых произведений, связанность и осмысление которых воссоздается с учетом всей совокупности неязыковых факторов. Распространенной является трактовка дискурса как текста в событийном аспекте –

текста, погруженного в социокультурный контекст, т.е. в реальную жизнь (что иногда выражается формулой: дискурс = текст + контекст). Развивая и уточняя подход к дискурсу как к тексту в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «дискурс – это прежде всего событие когнитивное, то есть имеющее дело в передаче знаний или запросом о знаниях, с новой переработкой знания, или же оперирования знанием в определенных целях» [Кубрякова, с. 10].

Наибольшими дискурсивными возможностями обладают нестандартные единицы. В энциклопедии «Русский язык» отмечено, что предикативные наречия на **-о** пополняются за счет наречий, заключающих в себе качественные значения, в том числе за счет индивидуальных авторских употреблений, и приводятся примеры таких употреблений:

*Ночью встаю, **месячно*** (А. Грибоедов); ***На душе снежно** и холодно* (А. Герцен); *А под маской было **звездно*** (А. Блок); *В танцевальном зале пустом **непесенно*** (Р. Рождественский).

Ср. роль окказиональных форм слов категории состояния в дискурсе М. Цветаевой:

*Мне от него тепло, Ланн, мне **с ним благородно**, люблю его по-хорошему – в ответ – благодаря и любуясь, – это настоящая Россия – Русь – крестьянский сын* (М. Цветаева «Записные книжки»);

*Мне хорошо с Борисом. Он ласков, как старший и как младший. **И мне с ним достойно*** (М. Цветаева «Записные книжки»);

*Да и не хочу я никого другого, **мне от всех безглаголиво** и холодно, и только моя легко взволновывающаяся играющая поверхность радуется людям: голосам, глазам, словам. Все трогает, ничто не пронзает, я от всего мира заграждена – Вами* (М. Цветаева «Записные книжки»);

*Никто не знает, как **мне опустошительно** с людьми* (М. Цветаева «Записные книжки») [Русский язык, с. 368].

Е.Н. Ремчукова отмечает, что реальностью современной речи стали «несанкционированные компаративы»: говорящий, нуждаясь в разнообразных и ярких средствах выражения оценки, легко преодолевает ограничения, связанные с возможностью образования необходимой синтетической формы – более компактной и выразительной, чем аналитическая (*вечнее, общее* и под.) [Ремчукова, с. 10]. Продуктивность этого процесса обуславливает образование форм сравнительной степени не только от относительных прилагательных и местоимений в «окачествленном» значении. Ср. окказиональную форму степени сравнения, чрезвычайно важную для понимания данного фрагмента текста:

*В Москве бывает **одиначе**, чем в поле без конца и края. В зимнем поле, припорошенном снегом. На замерзшей терке пашни – без иллюзий: бездельная поземка не поможет сдвинуться с места, не подтолкнет в спину.<...> Мегapolis в графитовое время суток, когда умирает оче-*

редной день, вроде бы кишит людьми. Но мы друг для друга не реальнее Летучего голландца, которого, по легенде, видят заблудившиеся моряки. Скорее слабый зимний дождь начнет перешептываться с чисто вымытым окном и проситься в гости, чем мы вспомним о тех, кому без нас – плохо (О. Новикова «Гуру и зомби»).

Ср. также:

Мы с ней удивительно вместе, и чем дальше, тем еще вместей (А. Солженицын «Бодался теленок с дубом»);

Чем холоднее – тем горячее, чем дальше – тем ближе, чем чуждее – тем моее, чем нестерпимее – тем блаженнее (М. Цветаева «Черт»).

Компаративы и суперлативы, даже соответствующие системной норме (т.е. образованные от основ качественных прилагательных) выступают материальными сигналами экспрессивности и эмоциональности высказывания. Девиативные степени сравнения многократно повышают эмоциональное «звучание» высказывания и текста в целом.

По справедливому замечанию Л.И. Ереминой, категория предикативов развивается преимущественно как *особая стилистическая* [выделено цитируемым автором] категория, особенно употребительная в языке художественной литературы. Категория предикативов начала активно пополняться в реалистической художественной литературе, когда в центре встала индивидуальность, ее сложный духовный мир и ее отношения с объективным миром окружающей среды. Слова категории состояния неотделимы от психологизации языка, от настоятельной потребности исследования в художественном дискурсе тонких движений души персонажей, необходимость видеть за внешними поступками и действиями скрытые сокровенные состояния. Именно эти потребности «вызвали к жизни категорию предикативов, в значительной мере сообщивших языку художественной литературы то изящество формы и тонкость выражения, которая характерна для классических произведений [Еремина, с. 72].

В русской классической литературе, начиная с произведений А.С. Грибоедова и А.С. Пушкина, категория предикативов пополняется как количественно, так и за счет увеличения семантического объема слова, за счет появления многочисленных переносных употреблений. Ср. в «Горе от ума»:

Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь;

В глазах темно, и замерла душа;

Болтает, шутит, мне забавно;

Мне совестно;

Блажен, кто верует, тепло ему на свете;

Хоть честный человек, хоть нет, для нас ровнехонько;

А мне сомнительно;

Мне весело, когда смешных встречаю...

В лирике А.С. Пушкина предикативы передают все многообразие эмоционально-психологических состояний героев, причем нередко эти состояния представлены как контрастные:

*Эти слезы
Впервые лью: и больно и приятно,
Как будто тяжкий совершил я долг;
Шалун уж заморозил пальчик,
Ему и больно и смешно...*

Ср. также контрастные предикативы, передающие состояние персонажа как антипод состоянию окружающей среды у Л.Толстого:

– *И мне хорошо*, – сказала я, – но *грустно* именно оттого, что все так *хорошо* передо мной. Во мне так *несвязно, неполно*, все хочется чего-то, а тут так *прекрасно и спокойно* (Л. Толстой) [Еремина, с. 75].

Предикативы могут выполнять роль своеобразного «зачина», определяющего тональность всего стихотворения или отдельной строфы:

*И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды* (М. Лермонтов).

Чаще всего при словах категории состояния используется форма дательного падежа для обозначения субъекта состояния:

Мягкие движения его пухлого тела пугали его, ей было и страшно и гадко (А. Чехов «Анна на шее»); *...и оттого, что всем было весело, она вдруг почувствовала радость...* (А. Чехов «Анна на шее»).

Одни смотрели на меня как на чудака и шута, другим было жаль меня, третьи же не знали, как относиться ко мне, и понять их было трудно (А. Чехов «Моя жизнь»).

В первый раз после свадьбы мне стало грустно, и в мозгу моем, утомленном этим длинным серым днем, промелькнула мысль, что, быть может, я живу не так, как надо (А. Чехов «Моя жизнь»).

В таких конструкциях ярко проявляется изобразительность предикативов, их способность в предельно лаконичной форме передать отношение героя к событиям, восприятие мира и их оценку.

В конструкции с предикативом в функции безличного сказуемого наименование субъекта может отсутствовать, тем не менее вся картина оказывается окрашена индивидуальным восприятием:

Через минуту я уже был за воротами и шел в город, чтобы объясниться с отцом. Было грязно, скользко, холодно (А. Чехов «Моя жизнь»).

Потом Чепраков сходил за ключом и отпер стеклянную дверь, и все мы вошли в дом. Было здесь сумрачно, таинственно, пахло грибами, и шаги наши издавали гулкий шум, точно под полом был подвал (А. Чехов «Моя жизнь»).

Как известно, многие предикативы омонимичны с наречиями и краткими прилагательными среднего рода. Ср. как обыгрывается омонимия на уровне частей речи (наречие – слово категории состояния):

Вообще скажу принципиальную сверхбанальность: **ХОРОШО ЖИТЬ ХОРОШО**. Неважно, где здесь тема, где – рема, где сказуемое, где подлежащее, – члени в любом месте («Хорошо жить – хорошо» или «Хорошо – жить хорошо»). Как существуют безличные предложения:

«Холодно», «Жарко», – так существуют и безличные истины, не подлежащие обсуждению. Отклоняться от них можно только в личном, индивидуальном порядке, не навязывая своих парадоксов другим людям, а тем более обществу в целом (Вл. Новиков «Роман с языком»).

Один из самых распространенных способов усиления изобразительности и выразительности – это лексико-грамматический повтор. Ср.:

*Напомнили нам и о том, что новый год объявлен Годом учителя. И как не вспомнить брежневский ЦК КПСС с отличной градацией – все года последних наших пятилеток были жестко расписаны. Наше поколение хорошо помнит и «определяющие», и «решающие», и «завершающие» годы. Ныне система иная. Или президент называет имя года (семья, молодежь, еще что-то), или мы следуем иноземным календарям с их годами свиньи, змеи, обезьяны, тигра. **Интересно, безвредно, для многих доходно и даже весело** (Советская Россия, 4 февраля 2010 г.).*

Не только изобразительны, но и выразительны слова категории состояния в стилистических фигурах упорядоченного повтора. Ср. повтор слова категории состояния в начале смежных отрезков текста – анафору, передающую постоянство настроения, уверенность и убежденность автора:

***Нельзя разрушать чужую веру – если ты ничего не можешь предложить взамен. Нельзя** заменять веру коровьей ветеринарией. **Нельзя** красть мечту о небе: в этом случае душу пожирает земля (А. Кураев «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?»).*

Здесь, в замечательном публицистическом тексте диакона Андрея Кураева, анафора создает особый риторический напор, передает движение от исходной точки вперед. Анафора, которая строится на повторе слова категории состояния, часто (как и в приведенном примере) сопровождается синтаксическим параллелизмом: слово категории состояния + инфинитив+ в.п. имени.

Значение языкового повтора формируется более сложным образом, чем значение отдельного слова, поскольку в его семантическую структуру, помимо лексического значения составляющих его единиц, включается интеллектуально-оценочный (прагматический) компонент, который позволяет особым образом выразить различные значения в языке. Ср. шуточный афоризм с использованием такого вида упорядоченного повтора, как кольцо¹ на основе слов категории состояния:

Хорошо там, где нас нет. Это нехорошо.

Грамматическая категория является единицей языка как определенной системы (кода), а не единицей речевого отрезка. Поэтому грамматическая категория соотносена, прежде всего, с парадигматической осью, она представляет собой определенную модель-построение, которое отражает факты речи. Каждый раз для адекватного выражения

¹ Ср.: «Кольцо описывает не только состояние говорящего, но и объективный мир – материальный или ментальный. Во всех случаях оно передает замкнутое движение по кругу, "зацикленность" мысли на чем-либо, возврат» [Хаззагеров, с. 104].

смысла мы выбираем одну из форм. При одновременном употреблении всех (или некоторых) членов оппозиции грамматических категорий возникают добавочные экспрессивные смыслы, так как экспрессия высказывания обычно не локализована в одном элементе, а создается комбинаторикой элементов. Аналитические формы времени слова категории состояния, развернутые на синтагматической оси, служат цели усиления изобразительности и выразительности высказывания:

Слишком много горя сразу посылаешь, мать заступница. Так в один год кончаешь семью. За что? мать взяла, мужа у меня нет и не будет, это я понимаю (А. Кураев «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?»);

И было мне хорошо, а когда я сказал себе это, стало мне еще лучше (Ф. Искандер «Сюжет существования»).

Ср. антитезу на основе слов категории состояния:

Можно жить в мире, видеть мир, любоваться миром. Эксплуатировать его нельзя (А. Кураев «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?»).

Слово категории состояния *aware*, сочетаясь с качественными наречиями *increasingly, gradually*, передает нарастающую градацию явления:

I wanted her to become increasingly aware of my presence: to accept me slowly, and to yield to me in the end without realizing it (Lykiard A. The Summer Ghosts).

She was genuinely fond of Mary Nawley, and through her gradually became aware of Ethan, bound in another kind of trauma, a social economic bind that had robbed him of strength and certainty (Steinbeck J. The Winter Of our Discontent).

Как известно, развитие языка толковалось многими грамматистами (А.А. Потебня и др.) как усиление противопоставленности категорий имени и глагола. Однако уже с первой трети XIX в. в русских грамматиках отмечается наличие слов, промежуточных между именем и глаголом – слов со значением состояния. Количественный рост слов категории состояния позволяет уточнить эту формулировку (во всяком случае, позволяет учитывать и противоположную тенденцию).

Свойства исследуемой группы слов противоречивы, и грамматисты неизбежно придают повышенное значение одним или другим свойствам. Отсюда неизбежные разногласия в трактовке этого лексико-грамматического класса (признание или, напротив, непризнание ее самостоятельной частью речи), а также терминологический разнобой (применение к этому классу слов нескольких терминологических наименований). Нельзя сказать, что сегодня слова категории состояния находятся в центре исследовательского внимания лингвистов (как и вообще морфологическая проблематика). Дискуссии по вопросам их частеречного статуса (с участием корифеев грамматической науки) остались в прошлом. Между тем этот лексико-грамматический класс сегодня активно пополняется, новые языковые факты (в том числе –

из сфер, отчасти «маргинальных») могут дать материал для новых выводов и обобщений относительно их категориального статуса, грамматических особенностей и дискурсивных возможностей.

Литература

- Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 312 с.
- Кубрякова Е.С.* Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура: Материалы 3-й Междунар. науч. конф. Тамбов, 2001. Ч. 1. - С. 8-11.
- Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1997. 721с.
- Ремчукова Е.Н.* Креативный потенциал русской грамматики (морфологические ресурсы языка): автореф. дис.... д-ра. филол. наук. М., 2005. 40 с.
- Еремина Л.И.* Предикативы как средство изобразительности в системе языка художественной литературы // Русский язык в школе. 1974. № 3. С. 73–76.
- Хаззагеров Г.Г.* Политическая риторика. М., 2002. 313 с.